

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖ. Р. ЛЭНКФОРД

ЧЕРНАЯ МАДОННА

ЭКСМО
МОСКВА

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Л 92

J.R. Lankford
THE SECRET MADONNA

Copyright © 2012 by Jamilla Rhines Lankford

Оформление серии *Сергея Шикина*

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Лэнкфорд Дж. Р.

Л 92 Черная мадонна / Дж. Р. Лэнкфорд ; [пер. с англ. А. В. Бушуева]. — М. : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-70100-1

Десять лет назад знаменитый ученый-генетик Феликс Росси буквально ошарашил весь мир заявлением о том, что ему удалось создать клон Иисуса Христа! Образец ДНК, который он похитил с Туринской плащаницы, стал основой для искусственного оплодотворения горничной ученого, чернокожей женщины по имени Мэгги Джонсон. Но тогда же на нее было совершено нападение, и Росси пришлось укрыть чудом спасшихся Мэгги и ее новорожденного сына в надежном месте в Италии. В течение десяти лет они жили в мире и спокойствии, будучи мертвыми для всего остального мира. Но не для одного очень могущественного человека, который по разным причинам не хочет, чтобы в мир пришел новый Христос. Выведав тайну «черной мадонны», он открыл охоту на ее сына, у которого с раннего возраста начали проявляться весьма необычные способности...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Бушуев А. В, перевод на русский
язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70100-1

Глава 1

Центральный парк

Это был трехсотшестидесятитысячный вызов за текущий год. На 101-й улице машина неотложной кардиологической помощи свернула направо и через ворота Бойз-Гейт въехала в Центральный парк. Здесь автомобильная сирена с пронзительного воя перешла на захлебывающееся рыдание. Туманную темноту прорезали оранжевые вспышки мигалки. В парке «скорую» уже поджидал патрульный полицейский автомобиль, который тотчас же повел ее за собой в направлении Вест-Драйв. Проехав мимо высоких фонарных столбов, отбрасывавших тусклый желтоватый свет, машины свернули налево, к пустынному северному квадрату парка.

Вскоре полицейский внедорожник остановился, и следовавшая за ним неотложка тоже дала по тормозам.

— Они вон там! — крикнул полицейский, выбираясь из машины.

Подхватив носилки и дефибриллятор, два медика бросились следом за ним. Тот, что помоложе, спотыкаясь, двинулся по тропинке к арке, отделявшей «Омут», который в действительности был мелким прудом, от «Озера», которое на самом деле было речушкой. Хотя врач

и родился в Нью-Йорке, здесь он был всего лишь в третий раз.

Услышав приближение людей, с поверхности воды, хлопая крыльями и недовольно крикая, снялась стайка перепуганных уток. Еще несколько шагов, и медики приблизились к водопаду. Он питал ручей, протекавший под огромными валунами, из которых была сложена арка. Казалось, будто под ее темным сводом обитали призраки.

— Это где-то здесь, — пояснил коп и, включив фонарик и зажав второй рукой нос, шагнул в темноту. Все трое — полицейский впереди, медики вслед за ним — пошли по дорожке, тянувшейся параллельно ручью.

Вскоре и медики почувствовали запах. Специфический, скорее всего он был похож на запах свежевскопанной черной земли, курящейся парком под теплым весенним солнцем.

— Тут где-то только что родился ребенок, — сказал медик постарше. — Роженице нужна помощь, у нее, скорее всего, большая кровопотеря.

Только после этих слов до его молодого коллеги дошло, что это запах следа, исходящий от расстеленных на земле одеял.

— Но женщины нигде не видно. Мы прочесали весь парк.

Полицейский остановился и поводит фонариком. Луч тотчас высветил костистое, пепельно-серое лицо, которое когда-то было красивым.

— Вот ваш пациент. На Вест-Драйв есть еще один. «Скорая» уже там, вместе с моим напарником.

Все трое опустились на колени возле неподвижного тела. Человек был высоким, спортивного телосложения. На груди расплылось огромное кровавое пятно.

— Огнестрельное ранение. Похоже, что он мертв, — произнес молодой медик.

— В любом случае его надо осмотреть.

Молодой наклонился ближе и проверил пульс и дыхание.

— Кровь в дыхательных путях. Не дышит. Пульс отсутствует.

— Давай, приподними его.

Врач отсосал кровь из рта раненого, повернул ему голову, приподнял подбородок и дважды провентилировал легкие. Прикоснувшись к сонной артерии, проверил пульс. Тот не прощупывался.

— Включай дефибриллятор!

— Понял!

От разряда тело выгнулось дугой над залитой кровью землей.

— Назад! Не мешайте им работать! — произнес полицейский, отгоняя прочь темные фигуры, возникшие по обе стороны арки. Бомжи. От них пахло мочой и грязным, давно не мытым телом.

— Фу! Ну и запашок! Что это? — спросил один из бродяг.

— А ты как думаешь? От тогодохлого чувака.

— Не-е-е. Это что-то другое.

— Еще разряд! — велел старший медик.

— Даю!

Тело снова выгнулось дугой, как будто хотело отделиться от земли. В следующую секунду ожил мобильный телефон полицейского. Страж порядка ответил на звонок и выслушал незримого собеседника.

— Хорошо, встречу тебя здесь, — произнес он и отключился. — Кто-нибудь из вас видел, что здесь произошло? — спросил он, обращаясь к бомжам.

— Я слышал, как стреляли, только и всего, — ответил один из бездомных обитателей парка.

Полицейский повернулся к медикам.

— Мой напарник сказал, что вторая жертва тоже мертва.

— Этот, видимо, тоже, — проговорил молодой медик встревоженным голосом.

— Да, пожалуй, ты прав, — отозвался старший и хлопнул мертвеца по покрытой шрамами шее. — Извини, дружище, мы старались.

— С такими, как мы, они небось не чикаются, — пьяно пробормотал один из бомжей.

— Заткнись! — оборвал его полицейский. — Поделом ему, нечего болтаться тут по ночам. Сидел бы себе дома, не наварился бы на пулю.

— Вы с нашим братом не любители возиться! — выкрикнул тот же бродяга.

Чертыхнувшись, молодой медик продолжил процедуру реанимации.

— Ладно, хватит, тут больше ничего не поделаешь. Оставь его, — посоветовал ему старший коллега и наклонился к умирающему.

В тишине, повисшей над аркой, раздался еле слышный вздох.

— Смотри-ка, оживает! — крикнул молодой и вместе с коллегой стал вглядываться в монитор. — Мы добились периферического пульса! Черт, мы добились пульса!

— Святой Моисей! Слабый, но есть... Интубировать?

— Нет. Дадим кислородную маску. Сходи за носилками.

— Хорошо.

— Готов?

— Угу.

— Раз, два, три!

Положив неизвестного мужчину на носилки, они поспешили прочь от места, которое пахло последом, мимо водопада и серых валунов арки Глен-Спэн-Арч.

Молодой медик стоял перед больничной дверью, глядя на того, кому три дня назад он мог и не сохранить жизнь. Человек этот сейчас пребывал в коме, одинокий и беспомощный. О нем никто не спрашивал. Никто не знал его имени. Доктор Льюистон, вторая по значимости фигура в отделении интенсивной терапии, вошел в коридор и увидел врача «скорой помощи», молодого и еще непривычного к печальной изнанке спасения человеческих жизней. Остро чувствуя его отчаяние, Льюистон покачал головой и, подойдя к нему, встал рядом так близко, что они едва не касались плечами. Затем сложил руки на груди и заглянул в палату, где лежал коматозный пациент.

— Вы сделали все, что могли, — произнес он, пытаясь приободрить молодого коллегу. — Вы дважды делали ему дефибрилляцию, затампонировали рану, ввели ксилокаин. Это не ваша вина, что он сейчас в коме, — добавил Льюистон на ухо молодому медику. — Ступайте домой.

— Да, пожалуй, — со слабой улыбкой согласился тот. — Скажите, этот случай пригодится для вашего исследования, как вы думаете?

— Сердечно-легочная травма, повлекшая за собой кислородное голодание мозга? Абсолютно! — ответил Льюистон. Это настолько точно соответствовало теме его исследования, что независимо от того, выживет этот пациент или нет, новое знание, полученное в данном случае, все равно приблизит его еще на шаг к публикации в «Ежегоднике экстренной медицинской помощи». Что,

в свою очередь, добавит немного славы, немного признания таким же, как он, чернокожим врачам, работающим в области экстремальной медицины. Но молодой медик «скорой помощи» был еще зеленым новичком и мог по ошибке принять профессиональную маску за толстокожесть и равнодушие.

— Как вы думаете, он выкарабкается?

Льюистон не ответил. Когда прибыла машина «скорой помощи», пациент не подавал признаков жизни, а ксилокаин не стабилизировал его состояние, так как в парке он потерял едва ли не всю кровь. Чтобы не допустить остановки сердца, в травматологическом отделении первым делом ему спешно наложили швы на все крупные кровоточащие сосуды. В хирургическом отделении извлекли пулю 45-го калибра и зашили порванную грудную стенку. Все еще находясь на операционном столе, пострадавший из-за тромба перенес обширный инсульт. Он выжил, но оказался в состоянии глубокого шока. Льюистон приказал поставить капельницу своего собственного изобретения — смесь витамина С и настоя трав, которую разрешалось применять лишь в самых крайних обстоятельствах, вроде этого случая. Таким относительно простым вещам Льюистон научился, изучая медицину африканского племени масаев, и считал их вполне действенными. И все же, по его мнению, шансов на жизнь у неизвестного мужчины не осталось.

Льюистон похлопал молодого коллегу по плечу.

— Невозможно ничего знать заранее, — с этими словами он деликатно подтолкнул его к двери в конце коридора. — Вы ни в чем не виноваты. Отправляйтесь домой.

Когда тот ушел, Льюистон вошел в палату. Пациент был на вид мускулистым и тренированным. Врач встал

за ширмой, где его нельзя было увидеть, закрыл глаза и сцепил пальцы.

— Господи, — прошептал он, — ты владеешь тайнами вечности. Направь меня на путь истинный и пожалей этого человека.

В следующую секунду он услышал, как за дверью кто-то деликатно откашлялся, обращая на себя внимание. Выйдя в коридор, Льюистон увидел чернокожего санитара. У них были хорошие рабочие отношения, но во всех прочих случаях оба по возможности вежливо избегали друг друга. Санитар говорил на афроамериканском диалекте, известном как «эбоникс». В речи Льюистона можно было уловить акцент типичного обитателя Род-Айленда. Что неудивительно, ведь их семья жила там уже не первое поколение. В своем доме в Челси он слушал Моцарта, Баха и Бетховена. В машине санитара, на которой тот возвращался к себе в Гарлем, не переставая гремел рэп.

Санитар снова прочистил горло.

— Вас к телефону, доктор Льюистон.

Врач кивнул и широко улыбнулся. Санитар улыбнулся в ответ. Вне работы у них не было абсолютно ничего общего, но в служебное время они прекрасно понимали друг друга.

— Алло! — сказал Льюистон, взяв трубку на медицинском посту.

После короткой паузы незримый собеседник произнес:

— Подождите секунду.

— Алло!

Через мгновение в трубке прозвучал другой голос:

— Доктор Льюистон, у меня к вам просьба.

Тон был отнюдь не просительным. Доктор так растерялся, что на мгновение забыл, где находится. Он не

слышал этот голос уже много лет и отчаянно надеялся, что больше никогда его не услышит. Тот принадлежал некоему чрезвычайно богатому филантропу, умевшему всегда оставаться в тени главных событий городской и государственной жизни. Такие обычно участвуют в тайных заседаниях мировой элиты — Трехсторонней комиссии, Бильдербергского клуба, Совета иностранных дел... и то, если сочтут нужным. Лишь немногие знали о его существовании. Еще меньше знали о том, что это крайне опасный человек. Льюистон представил себе его образ: платиновая шевелюра, орлиный нос, решительный подбородок. Крупные руки, как будто грубо высеченные резцом скульптора, столь же властное рукопожатие. При необходимости он легко получал информацию обо всем, что происходит в городе.

— Да, сэр.

— Три дня назад из Центрального парка вам привезли пациента.

— Какого пациента?

— Того, которым вы, Чак, персонально занимаетесь. Не надо играть со мной, — раздраженно произнес голос в трубке.

— Ах, этот... Что в нем особенного?

— Опишите его.

Льюистон приложил руку ко лбу, пытаясь сохранять спокойствие и не впасть в панику. Что за вопрос: как выглядит пациент? И почему тот, кто сейчас говорит с ним по телефону, хочет об этом знать?

— Белый мужчина. Шесть футов два дюйма. Мускулистый. Темный шатен.

— А шея?

— Что?

— Есть у него на шее шрамы?

— Почему вас это интересует?

Мертвая тишина.

— Да. Есть шрамы. Старые. Как будто от уличных драк.

— Как его состояние?

— Он ваш родственник?

И вновь молчание.

Льюистону еще больше стало не по себе. Затем он вспомнил, что пациент безнадежен.

— Он в коме.

— Ваш прогноз?

— Он или останется в коме, или спустя какое-то время умрет от осложнений.

— Привозите его.

От страха колени врача сделались ватными.

— Что?

— Привозите его ко мне.

— Но... — начал Льюистон и тут же замолчал, как будто остановленный холодом, исходящим от человека на другом конце телефонной линии.

Зачем он сказал «но»? Льюистон знал всего двух людей, рискнувших сказать этому человеку «нет». Первой была жена одного сенатора, которая вскоре погибла в автокатастрофе. Вторым был сам Льюистон. Однажды он отказался фальсифицировать медицинскую карту одного пациента. На следующий день сын Льюистона исчез и отсутствовал пять долгих безумных часов, после чего вернулся в чужом лимузине, держа в руках палочку с сахарной ватой, купленную в цирке.

— То есть... да, я имел в виду «да». Отлично. Когда?

— Сегодня вечером. У входа стоит частная машина «скорой помощи». Все необходимое вы найдете в моих апартаментах.

— Я? Но я не могу... его нельзя вернуть к жизни, говорю вам!

Его собеседник положил трубку. Не обращая внимания на любопытный взгляд медсестры, Льюистон присел на край стола и мысленно попрощался с «Ежегодником экстренной медицинской помощи», а заодно и с собственной честью. Может, позвонить в полицию? Но что он им скажет? Что человек, финансирующий фонд помощи вдовам полицейских, потребовал от него нарушить закон? Человек, который помог губернатору штата и мэру выиграть выборы?

Даже будь у него доказательства, никто не стал бы его слушать. Ну почему коматозного пациента доставили именно в эту клинику? Тогда бы с невидимым собеседником сейчас по телефону говорил бы другой врач! Льюистон сокрушенно вздохнул.

— Доктор, с вами все в порядке? — спросила медсестра.

Льюистон почти не слышал ее. Он медленно прошел в приемный покой, с тревогой думая о жене и двенадцатилетнем сыне. Другая часть его сознания уже судорожно разрабатывала план незаконного вывоза из клиники пребывавшего в бессознательном состоянии пациента. Льюистон остановился перед палатой, в которой тот лежал, подключенный к аппарату жизнеобеспечения. Скорее всего, он никогда не выйдет из комы и никогда не узнает о том, что человек по фамилии Браун, умеющий организовать любое дело, пытался тайком вывезти его из больницы, чтобы доставить в Верхний Ист-Сайд.

Глава 2

Пятая авеню

У себя дома, в пентхаусе на девятом этаже дома, выходившего фасадом на Пятую авеню, Теомунд Браун провел рукой по белым, как снег, волосам. В лучах проникавшего с террасы полуденного солнца сверкнуло его единственное украшение — золотое кольцо с надписью на одном из древних языков. Браун находился в библиотеке; сидя за письменным столом, сделанным из редкого ныне американского каштана, вместе с половиной мира он жадно впитывал телевизионные новости.

Ему не давал покоя вопрос: почему это вдруг доктор Феликс Росси решил через полчаса провести в престижном нью-йоркском клубе пресс-конференцию? По идее, Росси давно полагалось быть мертвым. Не успела на экране появиться фотография героя дня, как зазвонил телефон. Даже не глядя на определитель номера, Теомунд Браун понял, кто это.

— Алло! — произнес он, взяв трубку.

Ему ответил недовольный голос его преосвященства кардинала Эваристо Салати.

— Здравствуйте, Теомунд. Черт побери, что там у вас происходит?

Салати был членом Римской курии Ватикана с неясными полномочиями. Благодаря происхождению и полученному образованию он принадлежал к так называемой «Мафии Эмилиана», как неофициально именовали церковников — выходцев из городов, расположенных вдоль древней виа Эмилия, которыми ранее управляли папские легаты. В лоне католической церкви, с ее nepотизмом и традиционализмом, лучшее место для появления на свет было трудно себе представить.